

«ГНЕЗДО ГРИФОНОВ» НА ВАСИЛЬЕВСКОМ ОСТРОВЕ

Алексеева Татьяна Сергеевна родилась 7 декабря 1979 года в Ленинграде.

Окончила факультет журналистики СПбГУ, в настоящее время работает журналистом и литературным редактором в петербургской газете «Секретные материалы».

Член Союза писателей России с 2013 года. В прошлом действительный член Секции детской и юношеской литературы Валерия Воскобойникова при Союзе писателей Санкт-Петербурга и вольный слушатель Семинара Бориса Стругацкого. Руководитель собственного литературного клуба «Страница» с 2010-го. Автор пяти опубликованных в издательстве «ЭКСМО» книг: четырех исторических романов («Резанов и Кончита. 35 лет ожидания», «Декабристы. Тысячи верст до любви», «Ахматова и Гумилев. С любимыми не расставайтесь...») и «Пушкин и Гончарова. Последняя любовь поэта»), а также сборника исторических статей «Великие влюбленные».

Санкт-Петербург уже в первые годы своего существования мог похвастаться множеством таинственных легенд, связанных с его улицами, островами и даже отдельными домами. Со временем всевозможных легенд становилось все больше, и сейчас северную столицу, наверное, можно назвать одним из городов-рекордсменов по их количеству. При этом, хотя большинство петербургских легенд опираются на какие-либо исторические факты или связаны с жившими в городе известными людьми, попадают среди них и практически ни на чем не основанные и полностью порожденные буйной фантазией горожан. Самой же экзотической из таких «случайно придуманных» историй, пожалуй, следует считать легенду о так называемой Башне Грифона.

Почти любой житель Васильевского острова в ответ на вопрос, что такое Башня Грифона, может рассказать длинную и запутанную мистическую историю. Начинается она обычно одинаково: в XIX веке в доме №18 на 7-й линии Васильевского острова поселился провизор Вильгельм Пель, открывший во дворе этого дома аптеку. Вскоре после этого в окрестностях этого дома стали твориться странные дела. По

ночам из аптеки доносились необычные звуки, завывания и громкие вздохи, словно там дышало какое-то огромное живое существо, во всем доме и даже в соседних домах ощущались странные, не всегда приятные запахи, а жильцам этих домов и людям, случайно проходившим мимо, порой становилось плохо без всякой причины. Соседи заподозрили, что во всем этом виноват аптекарь, который, несомненно, проводил в своем заведении какие-то химические, а может, и алхимические опыты, однако Пель на все вопросы отвечал, что всего лишь изготавливает разные лекарства и что его работа не представляет никакой опасности. Ему не верили, но заставить его уехать из этого дома или прекратить работу не удалось, так как аптекарь быстро стал известен всему городу, и его услугами начали пользоваться люди из высшего общества и даже императорская семья. Что, по мнению простых жителей Васильевского острова, конечно же, тоже было неспроста: они считали, что расположения сильных мира сего Вильгельм тоже добился при помощи магии.

Пель, между тем, нанял строителей, и те начали возводить во дворе его дома какое-то странное кирпичное сооружение. Вскоре стало ясно, что больше всего оно похоже на средневековую башню: круглое в плане, узкое и высокое. Когда Вильгельм спрашивали о том, что он строит, он отвечал, что это дымовая труба, соединенная с подвалом его аптеки, необходимая для того, чтобы там не скапливался дым во время приготовления лекарств. Но горожане этому не верили. Слишком уж большой была эта постройка и слишком красивой для простой трубы. Особенно это стало заметно, когда строительство подошло к концу – Пель велел украсить вершину сооружения своеобразным орнаментом. И зачем простой трубе для отвода дыма такие архитектурные изыски?

Ну а когда трубу достроили, у жителей Васильевского острова исчезли последние сомнения в том, что вовсе это никакая не труба. Внешне она выглядела именно как старинная башня – словно где-то под землей скрывался большой средневековый замок, и только одна его башня, самая высокая, высунулась на поверхность. Правда, использовать эту башню аптекарь действительно стал как трубу: вскоре из нее повалил дым. Причем разные люди описывали его по-разному – то он был черным, то белым, то цветным, а по ночам, по слухам, из башни и вовсе вырывалась пламя, иногда тоже меняющее цвет.

После этого уже никто в Петербурге не сомневался, что Вильгельм Пель занимается в своем подвале чем-то сверхъестественным. Люди, склонные к мистике, были уверены, что знаменитый аптекарь пошел по пути средневековых алхимиков и пытается получить золото из других металлов или создать эликсир бессмертия. Более

приземленные полагали, что Пель производит смертоносные яды и испытывает результаты своих экспериментов на случайно заглянувших к нему во двор прохожих. А самые продвинутые и имеющие представление о разных науках предполагали, что провизор может ставить в аптеке разные химические опыты и что при этом у него могут случайно получиться ядовитые вещества, которыми, опять же, случайно могут отравиться жители окрестных домов. В общем, слухи о Вильгельме ходили самые разнообразные, и сходились их распространители только в одном: чем бы он ни занимался в подвале, его работа была опасна для тех, кто живет поблизости, а то и для всего города.

Однако поскольку на дворе стоял не XV, а уже XIX век, особых проблем с этими слухами у Пеля не было. Некоторые горожане опасливо обходили его аптеку стороной и ни за что не стали бы делать в ней заказы, зато другие, наоборот, навевались туда из любопытства, а потом решали, что раз уж они туда пришли, имеет смысл купить там что-нибудь. Кроме того, поскольку ни с кем из соседей Вильгельма не случилось ничего плохого, слухи об опасностях, тающихся в его подвале и в кирпичной башне, стали постепенно сходить на нет. Однако аптечная труба все же имела слишком таинственный вид, чтобы любители сплетен совсем оставили ее в покое. Поэтому когда страшные истории об аптекаре и его башне «вышли из моды», им на смену пришли другие – более оптимистичные и столь же невероятные.

По городу прошел слух, что у многих соседей Вильгельма Пеля жизнь внезапно изменилась в лучшую сторону. Кто-то неожиданно разбогател, кто-то вылечился от тяжелой болезни, хотя и не прибегал к услугам аптекаря, кого-то повысили в должности – чем дальше, тем более невероятными становились такие рассказы. Общим в них вновь было одно: всем, кто жил рядом с Пелем или имел с ним дело, в какой-то момент улыбнулась удача. Поверить в эти истории оказалось даже проще, чем в страшлики о ядах или магических эликсирах, и аптека Вильгельма стала еще более популярной в городе. Все больше людей приезжали к нему из любопытства или чтобы привлечь удачу, и дела у знаменитого провизора с каждым годом шли все лучше. Из огромной трубы в его дворе по-прежнему валил дым, но теперь он уже не пугал, а радовал петербуржцев – это означало, что аптека работает и продолжает приносить счастье всем, кто в нее заглядывает.

На каком-то этапе в историях, рассказываемых о Пеле и его башне, появились грифоны – мифические существа с туловищем льва и с головой и крыльями орла, способные летать. Кто-то упоминал, что эти существа охраняют аптеку и лабораторию в ее подвале, кто-то другой добавил к этому, что люди видели грифона, вылетающего из трубы, и вскоре этот слух тоже

разнесся по всему Петербургу. А еще немало позже, когда стало ясно, что, хотя о грифонах много говорится, собственными глазами их никто не видел, этому нашли объяснение – горожане стали рассказывать, что эти существа невидимые. Тем же, кто не верил ни в какую мистику, связанную с аптекой Пеля, любители этих легенд приводили «косвенные доказательства» существования грифонов: если бы они не охраняли башню и не помогали своему хозяину, он бы не был настолько успешен, его дело не процветало бы столько лет подряд!

Возразить на этот аргумент было сложно, потому что предприятия Пеля действительно процветало. К концу XIX века ему принадлежали уже два дома на 7-й линии, он был почетным гражданином Санкт-Петербурга, печатался в научных журналах и состоял в нескольких научных обществах, а его подростки сыновья готовились продолжить его дело.

В 1903 году Вильгельм Пель скончался на 84-м году жизни, и аптека, вместе с химическим лабораторией, складами и научной библиотекой перешла к его сыну Александру, а позже – к сыну Александра Рихарду. После революции 1917 года лаборатория была закрыта, а труба накрыта жестяной крышей, но сама аптека продолжала работать на протяжении всего XX века. Легенды об алхимических опытах, грифонах и еще какой-либо «чертовщине» советская власть, мягко говоря, не одобряла, так что разговоры о них утихли, однако полностью не исчезли. Жители Васильевского острова все равно с подозрением поглядывали на возвышающуюся посреди крохотного двора кирпичную башню и порой упоминали, что раньше об этой постройке рассказывали легенды, в которых действовали невидимые грифоны.

В результате эта легенда дождалась перестроечных времен, когда мистика и вера в потусторонние чудеса вновь стали «модными». Петербуржцы опять начали рассказывать друг другу почти забытые легенды об аптеке Пеля и его башне, и эти легенды заиграли новыми красками и обросли еще более невероятными, чем раньше, подробностями. Так как большинство людей в эти годы увлекались не только мистикой, но и фантастикой, Вильгельма теперь называли не только алхимиком, но и сумасшедшим ученым, который призвал грифонов из другого, параллельного мира. Но, как и прежде, во всех этих историях было и кое-что общее: все рассказчики верили, что грифоны по-прежнему охраняют башню-трубу и приносят удачу тем, кто побывает рядом с ней. Некоторые любители легенд, как и их предшественники в XIX веке, считали грифонов невидимыми и говорили, что они каждую ночь вылетают из башни и кружат над Петербургом, охраняя не только свой «дом», но и весь город, другие уверяли, что грифоны живут под землей и внутри трубы, а наружу выглядывают очень редко, но иногда, если очень постараться, их все-таки можно увидеть.

В действительности же мифические грифоны не только не смогли защитить жителей дома, рядом с которым находится башня-труба, но наоборот, принесли им немало неприятностей и продолжают приносить их. Начиная с 90-х годов во двор 18 дома 7-й линии не прекращается палом-

ничество любопытных и не всегда адекватных людей. Петербуржцы и приехавшие в северную столицу туристы, любители мистики и собиратели городских легенд, фаталисты, желающие, чтобы грифоны принесли им удачу, и скептики, собирающиеся доказать, что никаких грифонов здесь нет, приходили в этот двор в любое время дня и ночи, забирались на крыши окрестных домов, чтобы взглянуть в него сверху, пытались забраться на башню или отколоть от нее кусочек кирпича – и при этом полностью игнорировали местных жителей, которые были вовсе не в восторге от такого количества незваных гостей. Нередко интересующиеся Башней Грифонов люди вели себя не лучшим образом – шумели, устраивали перед трубой странные ритуальные танцы или произносили заклинания, пытаясь вызвать спрятавшихся в ней грифонов, и хамили жильцам дома, пытавшимся призвать их к порядку. Многие любители мистики приходили в этот двор нетрезвыми или напивались уже там. Видимо, они решили принять на грудь для храбрости, опасаясь встречи с грифонами. А случилось, что во двор приходили одновременно две разные компании, у которых возникали какие-то «идейные разногласия» в трактовке легенды, и они, выясняя, кто более правильно верит в грифонов, устраивали перед башней драку.

Прогнать всех желающих разгадать тайну аптекарской башни было нереально. Даже после того, как двор отгородили от улицы решеткой и дверь с кодовым замком, охотники за грифонами продолжали ломиться туда, уговаривать идущих домой жильцов впустить их, подсматривать, как кнопочки они нажимают, и передавать это «тайное знание» другим желающим попасть во двор. Впрочем, всем этим любопытным грифоны тоже обычно приносили одни лишь неудачи. В лучшем случае визитеры просто не обнаруживали во дворе 18-го дома ничего особенного, а в худшем – возмущенные жильцы сдавали их в милицию или выпихивали со двора собственными силами.

В 1994 году знаменитая труба, к тому времени уже носившая полуофициальное название Башня Грифона, стала еще более знаменитой, благодаря петербургскому художнику Алексею Костроме и его друзьям, которые забрались на ее металлическую крышу и установили на ней огромное картонное гнездо с таким же огромным «яйцом грифона». Кроме того, художник зачем-то пронумеровал все кирпичи трубы. Башня, таким образом, превратилась в объект уличного творчества, и посмотреть на нее стали приходите не только любители мистики, но и ценители подобного искусства. Местные жители несколько раз сбрасывали гнездо с яйцом на землю, но поклонники Костромы возвращали его на место и продолжали разрисовывать башню цифрами и разными загадочными символами. Правда, в конце концов, после очередного уничтожения яйца, любители стрит-арта поленились восстанавливать это «произведение искусства», и труба осталась без гнезда. Но менее популярной среди горожан она после этого не стала.

Ещё несколько лет «соседи грифонов» пытались добиться запрета посещать их двор посторонними лицами и жаловались на свою тяжелую и беспокойную жизнь во

все инстанции. Но чиновники мало чем могли им помочь. На входе во двор устанавливались все более прочные двери со все более сложными кодовыми замками, но интересующиеся грифонами люди все равно умудрялись проникнуть сквозь эти преграды – словно им и правда помогали в этом какие-нибудь магические силы или мифические существа.

В конце концов, жильцы многострадного дома решили, что бороться надо не со следствием, а с причиной, и потребовали от городских властей снести трубу. Освободившееся место предлагалось использовать под парковку машин, и 78% жителей 18-го и соседних домов высказались за снос Башни Грифона. Однако когда об этом стало известно в остальных районах города, против сноса начали возражать очень многие, и среди них были не только любители потусторонних тайн, но и специалисты по истории Санкт-Петербурга, считавшие, что эта труба является исторической и культурной ценностью. Споры о том, что делать с этой неоднозначной во всех отношениях постройкой, длились почти год, и в итоге победили сторонники ее сохранения. Башню Грифона отказались сносить и даже признали выявленным объектом культурного наследия. А живущим рядом с ней петербуржцам осталось только в очередной раз поменять код на замке ведущей во двор двери.

Сейчас отреставрированная Башня Грифона остается предметом «паломничества» любопытных, но вести себя они стали тихо и вежливо. Чаще всего незваные гости просто заходят во двор, рассматривают башню и удаляются, убедившись, что она выглядит просто как кирпичная труба какой-то, собственно, и является. Впрочем, легенда о невидимых грифонах, которые вылетают из этой трубы по ночам и присматривают за городом, все равно никуда не делась: ее рассказывают экскурсоводы туристам и пересказывают друг другу любители мистики.

Что же на самом деле представляла собой эта аптека на 7-й линии и кем был ее владелец? Есть ли в легендах о Башне Грифона хоть какое-то рациональное зерно? Достоверно о Вильгельме Пеле известно не так уж и мало. Он был немцем по происхождению, но к моменту его появления на свет в 1820 году его семья уже на протяжении нескольких поколений жила в России. Известности при царском дворе Вильгельм добился вовсе не магией – его отец Фридрих Пель был придворным сапожником на рубеже XVIII-XIX веков и замолвил за сына словечко, когда тот решил попробовать себя в провизорском деле. Вильгельм окончил училище святого Петра в Санкт-Петербурге, а затем – медицинский факультет Дерптского университета, после чего вернулся в столицу и открыл аптеку на Васильевском острове. В подвале этой аптеки он действительно устроил химическую лабораторию и оснастил ее самыми современными на тот момент приборами. Эти технические новинки позволяли ему изготавливать довольно сложные медицинские препараты и контролировать их качество, так что лекарства, которые он производил, были более совершенными, чем в других аптеках города. Неудивительно, что их заказывала почти вся петербургская аристократия и даже царская семья.

При этом Вильгельм не делал секрета из своей работы и щедро делился результатами своих опытов с коллегами. Ближе к концу XIX века он объединился с большинством петербургских аптекарей, чтобы вместе проверять качество лекарств. Все вместе эти аптекари создали склад для своих товаров, где хранились только проверенные, доброкачественные медикаменты. А еще чуть позже на базе этого склада возникло Русское общество торговли аптекарскими товарами, одним из членов правления которого стал Вильгельм Пель.

Большинство горожан называли Вильгельма более привычным русским именем Василий, иногда – Василием Васильевичем, и он не возражал против этого, так как и сам хотел быть ближе к русскому народу. Благодаря этому человеку, его способностям в фармакологии и умению организовывать людей, петербуржцы стали получать высококачественные лекарства и оказались защищены от поддельных или неправильно приготовленных медикаментов. К слову сказать, Вильгельм был знаком со всемирно известным химиком Дмитрием Менделеевым, и тот не раз бывал у него в гостях – и, конечно же, заходил в его аптеку и лабораторию.

Также известно, что у Вильгельма Пеля было шесть сыновей. Двое из них умерли в детстве, а остальные тоже добились большой известности в городе. Несмотря на то, что официально их отца звали Вильгельмом, все его дети носили отчество Васильевич – как и он, они считали себя в большей степени русскими, чем немцами. Александр и Оскар продолжили дело отца, Роберт стал фотографом и открыл собственное фотоателье, а Максимилиан сделал хорошую карьеру в бумажном производстве. Александр самый старший из братьев, унаследовал интерес и способности отца к химии и фармакологии, а кроме того, изучал философию. Он учился в Европе, получил докторскую степень по химии, а затем вернулся в Россию и стал работать в аптеке Вильгельма и в лаборатории при ней. Именно он первым начал выпускать медицинские препараты в виде одинаковых таблеток или гранул, чтобы пациент мог точно знать, какую дозу лекарства принял. Кроме того, Александр Пель был автором нескольких открытий в области получения лекарств из разных растений и распознавания растительных ядов. В общем, можно сказать, что сын Вильгельма Пеля сделал для медицины и фармакологии еще больше, чем сам Вильгельм. А его сын Рихард Пель, унаследовавший аптеку после смерти Александра в 1908 году, во время Первой мировой войны открыл в ней военный госпиталь.

Одним словом, благодаря этой семье, петербуржцы, а потом и жители других российских городов, смогли получать более качественное лечение, и многие тяжело больные выздоровели, именно благодаря препаратам, созданным в аптеке Пелей.

Все эти спасенные ими жизни – чудо, куда более удивительное, чем вылетающие из башни невидимые грифоны.

